

– слабослышащие и с помощью слуховых аппаратов свободно общались со всеми, кто с нами обедал или ужинал. А мне (тотально слепоглухой) нужно было переводить контактно дактилем. Мои друзья очень старались, чтобы я была в курсе бесед и участвовала в них наравне с остальными. Если не успевали переводить, то позже Сергей или Лена мне обязательно всё рассказывали.

Самые теплые чувства у меня остались и от общения с уже упомянутыми Леной Ирой и Женей, а также со Светланой Брединой, сотрудницей ОСПСГ «Эльвира» (рабочие кабинеты этой организации находятся здесь же, на втором этаже). Мне было очень приятно и радостно, что благодаря их помощи я смогла побывать в храме на литургии. Светлана переводила мне службу, а Ира Макарова «показала» все иконы и рассказала о них. Кстати, в этой церкви есть несколько икон, выполненных специально для слепых: их можно «осмотреть» руками. Доставили мне огромную духовную радость беседы с отцом Львом Аршакианом (напрямую, без переводчика – он отлично владеет дактилем).

Хорошо, что у слепоглухих появился Дом, где нам можно в спокойной, доброжелательной обстановке научиться работе на компьютере. Спасибо всем, кто воплотил этот проект в жизнь!

Наталья Кремнева

~~~~~

СИТУАЦИЯ

Незадачливый помощник

Уверен – тотально слепоглухому человеку должен помогать только хорошо знакомый сопровождающий или близкий родственник.

Произошел со мной нынешней зимой такой случай. Я поехал на неделю к другу, который живет у нас, в Новосибирской области: к нему подвез меня один добрый человек на своей машине. Хорошо погостил, пообщался с людьми, и настало время возвращаться домой...

Моему другу было некогда провожать меня, но в город должна была ехать глухая женщина, мало знакомая мне (назовем ее Инной). Друг проводил нас до станции, посадил в электричку и рассказал Инне, как проводить меня до дома; указал главные ориентиры у нужной остановки трамвая.

Надо сказать, я сейчас совсем не вижу, но отлично представляю местность вокруг дома и вообще оживленные места нашего большого Новосибирска: когда-то зрячим всё запомнил. Поэтому я беспечно согласился на это сопровождение, полагаясь на себя и на глаза помощницы. Общались мы на жестовом языке (обычном и контактном).

Доехали благополучно до нужной станции, и тут Инна испугалась: она плохо знает Новосибирск. Стала сомневаться, правильно ли я оцениваю местность. Я ее успокоил: «Пойдем через здание вокзала, а чуть подальше от него – трамвайная остановка». Она надела на плечо большую сумку, я взял ее под локоть, и мы пошли...

Сначала я споткнулся о ступени, ведущие к вокзальным дверям, но терпеливо промолчал. Потом трижды стукнулся о дверные створки (Инна не подала мне вовремя сигнал). Я удивился, но опять ничего не сказал, а только кивал головой: «Дальше, дальше». При выходе из здания опять трижды ударился о железные створы – да так, что они загрохотали (у людей, наверное, уши заложило от этого бухания!)

На ступенях, ведущих вниз, Инна стала осторожнее меня вести; на пути к остановке и при посадке в трамвай всё прошло хорошо – она точно выполняла мои указания. Я попросил ее написать на бумажке название остановки, где нам надо было выйти. Но бумаги и ручки не нашлось. Тогда попросил рассказывать, как выглядят объекты на остановках (так я мог бы понять, где мы едем), но она сказала, что на окнах толстый слой льда и ничего не видно! Я растерялся и стал считать остановки, но трамвай оттаивался и у светофоров... Я сбился со счета и попросил Инну посмотреть через открытую дверь: напротив остановки должна быть большая девятиэтажка – мой дом. Она поддакнула, и мы спешно вышли и пошли по моей указке: слепой показывает рукой куда идти...

И здесь я понял, что это не наша остановка, и снова попросил Инну описать, что она видит вокруг. А она почему-то плохо различает девяти- и пятиэтажки. Кроме того, у зрячих людей не всегда получается правильный рассказ, т. к. человек всё видит, но не понимает, что мне нужно.

Из-за неверно выбранного маршрута мы пошли тропинками по сугробам, между деревьев со свисающими колючими ветками. Делать было нечего... По пути я исцарапал лицо в кровь обледе-

невшими ветками. Долго ли, коротко ли мы проблуждали – но, наконец, пришли туда, где был указатель с названием улицы. Стало ясно, что мы вышли двумя остановками раньше, и я решил добираться до дома пешком, идя вдоль трамвайных путей. Увидев едущий навстречу трамвай, Инна затолкала меня на высокий отвал снега и пять минут там продержала: был риск просто сорваться обратно! Конечно, я разозлился, но решил терпеть – сам согласился на такую спутницу...

Добрались с грехом пополам до дома. У меня тряслись руки и ноги, на лице – смерзшиеся кровоподтеки, на шапочке и воротнике куртки – кровь. Как будто с поля боя пришел! Инна попросила у меня прощения, а я махнул рукой: «Мелочи. Главное – до дома добрались живыми!» Но про себя подумал, что с этой сопровождающей я больше никуда не пойду...

Надо было взять с собой в дорогу белую трость, с ней было бы намного проще – не спотыкаешься, можно уберечься от веток. Но главная проблема – непонимание зрячими того, что «видит» слепой (он, например, запоминает ориентиры, на которые другие не обращают внимания): здесь можно попасть и в худшие ситуации. Вот почему слепоглухие по большей части предпочитают сидеть безвылазно дома или куда-то ходить только с тем, кто умеет сопровождать (главным образом это кто-то из близких). Но часто зрячим некогда или неохота, ведь им невдомек, как много дают слепоглохому человеку такие «вылазки» – встречи с другими людьми, обмен информацией.

Можно ведь создать Службу сопровождения слепоглохих, сотрудниками которой стали бы безработные глухие люди, прошедшие специальные курсы. Хочу надеяться и на то, что правительство РФ окажет финансовую поддержку слепоглохим для оплаты сопровождающих.

Мой случай с Инной – один реальный факт из жизни слепоглохого человека на Руси.

Владимир Елфимов

КРУПИЦЫ ОПЫТА

Если попал в больницу...

Я – позднооглохшая и давно убедилась: если глухой лежит в палате, где лечатся другие больные, есть надежда, что среди них найдутся 1–2 добрых человека, которые помогут неслыша-